

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

С.В. Мельникова

Иркутский государственный университет

«Припоминания современника о преосвященном Иннокентии» протоиерея Прокопия Громова: к вопросу о мемуарах сибирского духовенства

Сравнительно малоизученным аспектом истории сибирской литературы XIX века остается мемуаристика, прежде всего мемуары местного духовенства. Это касается как исторического, так и литературоведческого направлений изучения. Среди обобщающих отечественных работ, посвященных данной проблеме, можно назвать только исследования Н.П. Матхановой¹. Вместе с тем, согласно наблюдениям исследовательницы, именно на середину XIX столетия приходится пик развития сибирской мемуаристики – как светской, так и духовной [Матханова, 2005, с. 12].

Одна из предпосылок данного явления – возникновение в это время местных печатных изданий, важное место среди которых занимали «Епархиальные ведомости». В частности, в «Иркутских епархиальных ведомостях», начиная с момента их основания, регулярно публиковались записки миссионеров, путевые заметки, дневники, а также жизнеописания и биографические очерки, часто основанные на личных воспоминаниях авторов и содержащие автобиографические моменты. Все эти тексты могут быть отнесены к мемуарной литературе, многие из них имеют несомненную эстетическую ценность.

В 1879 году в «Иркутских епархиальных ведомостях» было опубликовано (и в том же году вышло отдельным изданием) сочинение их первого редактора протоиерея Прокопия Громова «Припоминания современника о преосвященном Иннокентии, митрополите Московском»². На наш взгляд, книга Громова имеет большую ценность как исторический и литературный источник. Основное ее содержание – биография одного из самых знаменитых сибирских архиепископов о. Иоанна Вениаминова. Но в то же время «Припоминания...» – это и автобиография самого Громова, и заметки из жизни двух епархий, Иркутской и Камчатской, не только содержащие богатый фактический материал, но и написанные ярким литературным языком.

Автор «Припоминаний», выпускник Иркутской семинарии, а затем Московской духовной академии, кандидат богословия, настоятель Иркутского Богоявленского собора, священник, педагог, историк церкви, журналист, протоиерей Прокопий Громов играл заметную роль в культурной жизни Иркутска своего времени и оставил значительное научное и публицистическое наследие. Его перу принадлежат такие фундаментальные труды, как «Историко-статическое описание камчатских церквей» и «Начало христианства в Иркутске», обширный исторический очерк, включающий в себя полное жизнеописание первого иркутского епископа Иннокентия, а также целый ряд журнальных статей и заметок, пропове-

¹ См. работы: [Матханова, 2003; 2005; 2005].

² Далее «Припоминания».

дей и торжественных «Слов». «Припоминания» – последнее сочинение Громова, написанное им незадолго до собственной смерти.

Герой книги Громова Иван Попов (Вениаминов), после пострига о. Иоанн – личность не менее известная, причем не только в Сибири, но и далеко за ее пределами. Священник, миссионер, путешественник, переводчик, создатель алеутской азбуки, первый Камчатский, Алеутский и Курильский епископ, в конце жизни – митрополит Московский и Коломенский.

Биографии, или жизнеописания, были достаточно распространенным жанром в среде иркутского духовенства. Практически в каждом номере «Прибавлений к Иркутским епархиальным ведомостям» публиковались «биографические очерки», «очерки жизни», «материалы к биографии», «воспоминания», «сказания», «сказания о жизни и подвигах», «жития», «краткие жития», «очерки жития», «жития и страдания» и т.п. Как видно уже из одного перечня жанров, иркутская церковная биография была ориентирована прежде всего на средневековую житийную традицию. В частности, в строгом соответствии с общерусским каноном житий святителей выстраивались жизнеописания двух иркутских святых – чудотворцев Иннокентия Кульчицкого и Софрония Кристалева (в них, помимо общежитийных топов, например посмертных чудес, можно было выделить такие специфические элементы святительского жития, как учительная и миссионерская деятельность, христианская проповедь язычникам, храмостроительство, участие в политической жизни)¹.

Агиографические элементы есть и в «Припоминаниях», особенно заметны они на первых страницах повествования, что свидетельствует об изначальной установке автора на создание своего рода жития Иннокентия. Так, в описании детства героя реализуется житийный топос благочестивых родителей (отец-священник), а также мотив исключительности героя, его отличия от сверстников: «Иван Попов Ангинский (родная фамилия Вениаминова) был необщителен, и с комнатными товарищами не только не разделял их легкомысленного поведения и иногда ученических речей, да и мало вступал с ними в разговор... Иван Вениаминов вышел чист от всех явных и тайных пороков бурсы» [Громов, 1879, с. 4].

О. Иоанн был епископом, поэтому в его биографии выделяются и названные выше составляющие святительского жития (факт тем более примечательный, что ко времени написания «Припоминаний...» Иоанн еще не был канонизирован, он будет причислен к лику святых только в 90-е годы XX столетия); особо подчеркивается миссионерская деятельность преосвященного.

В «Припоминаниях» можно обнаружить и следы такого жанра церковной литературы, как проповедь. Характерными для этого жанра можно считать сравнения и параллели из Библии и церковной истории, позволяющие интерпретировать жизненный путь Иннокентия как универсальный путь подвижника веры: «Первому архиерею, Иннокентию Камчатскому, представлена в наше время честь олицетворить на себе начертанную апостолом Павлом картину многотрудной жизни подвижников веры: придоша в милостях, и в козых кожах, лишены, скорбяще, озлоблены в пустынях скитающееся и в горах и в вертепах и в пропастях земных» [Громов, 1879, с. 58].

Однако элементы как агиографии, так и проповеди, в силу своей нерегулярности, факультативны для громовского текста. Например, установка на идеализирующее житийное описание характера преосвященного не выдерживается на протяжении всего произведения и очень быстро уступает место живым психологическим зарисовкам и сценам, раскрывающим яркую индивидуальность героя. Приводятся даже анекдоты, которые демонстрируют присущие Иннокентию веселость, ироничность и своего рода либеральность: «... между духовным правлением и начальником Камчатки возникла переписка, в которой столоначальник прав-

¹ Об особенностях житий святителей см.: [Федотов, 1991].

ления наименован был служебным *лицом*. Начальник Камчатки возразил правлению, что столоначальник, не имеющий чина не может быть назван *лицом*. Возражение показалось преосвященному очень забавным, и он забавным образом вразумил возражавшего. В одно время собеседования в своей квартире с начальником Камчатки, преосвященный спросил его: почему бы столоначальник духовного правления не мог называться лицом? “Потому, отвечал правитель края, что так могут называться только люди чиновные”. Странная привилегия! Сказал преосвященный, усвоенная только двум сословиям, чиновникам и ссыльнокаторжным! И взяв с окна свод законов, прочитал как бы ненароком попавшуюся статью из устава о ссыльных, в которой сказано: “издержки на пересылку означенных лиц производятся по особым таксам”» [Громов, 1879, с. 38].

Таким образом, ни проповедь, ни агиография не являются определяющими для понимания жанрово-стилевой природы текста и его смысловой интенции. Таким началом становятся воспоминания и тесно связанная с ними автобиография.

Громов пишет книгу не только о Вениаминове, но и о себе. Так, в начале повествования рассказывается о рождении не одного, а двух мальчиков в разных концах Иркутской губернии: один из них – Иван Попов (впоследствии Вениаминов), другой – Прокопий Громов. Самой судьбой этим мальчикам будет суждено соединиться «незримой нитью», которая не прервется до конца жизни. «Незримую нить», связавшую две судьбы, и, соответственно, две сюжетные линии, можно считать метафорическим выражением основного композиционного принципа книги.

В финале произведения, когда читателю уже сообщается о смерти о. Иоанна, повествование, однако, не обрывается: его завершает рассказ о том, как автор получил и воспринял трагическое известие, какие эмоции оно у него вызвало, на какие размышления натолкнуло. Предметом изображения, таким образом, становятся не только события жизни о. Иоанна, но и авторская рефлексия по их поводу. Например, описывая отъезд о. Иоанна из Камчатки, Громов сосредоточивается прежде всего на своих чувствах: «Вышедши на берег, до тех пор следили мы взорами за удаляющимся архипастырем, пока судно не скрылось за Раковый мыс... Разлука навсегда с добрейшим архипастырем легла камнем на мое сердце...» [Громов, 1879, с. 47].

Сам факт соединения автобиографии и воспоминаний и, в целом, жанровый синкретизм, как отмечает Н.П. Матханова, был характерен для сибирской мемуаристики [Матханова, 2005, с. 13]. Громову смешение этих начал помогает создать интересный, прежде всего в повествовательном отношении, текст.

Автобиография линейна, воспоминания, подчиняющиеся законам памяти, напротив, допускают временные перестановки. В автобиографии один герой, в воспоминаниях, как минимум, два (даже если героем воспоминаний является сам автор, авторское «Я» расслаивается на «Я» в прошлом и «Я» в настоящем). Соединение воспоминаний и автобиографии позволяет вести повествование сразу в нескольких пространственно-временных, психологических, идеологических планах. «Припоминания» отличает именно такая «многоплановая» повествовательная структура, резко выделяющая их из ряда современных им текстов.

В «Припоминаниях» постоянно акцентируется пространственная и временная дистанция между повествователем и событиями, которые он описывает. Достигается это, например, за счет введения оппозиции «тогда» и «теперь»: «Здесь добродушного иеродьякона Николая постигло искушение, о котором говорю потому, что при воспоминании об этом и *теперь* не могу удержаться от улыбки» [Громов, 1879, с. 57]. Широко используются так называемые «забегания вперед»: «И это было последнее мое свидание со священником Иоанном Вениаминовым. Еще встречусь, но уже с архиереем Иннокентием» [Громов, 1879, с. 9], а также прием ретроспекции: «Для пояснения нужно обратиться к событиям прежних

лет» [Громов, 1879, с. 15]. Созданию иллюзии «голоса из прошлого» способствуют средства, дающие эффект недостаточных знаний автора о происходящем: «Наконец, наступила минута последнего на земле, как тогда полагали мы, личного нашего собеседования» [Громов, 1879, с. 66].

Повествование начинается от третьего лица (так, третье лицо используется уже в самом заглавии «Припоминания современника о преосвященном Иннокентии», в этом же лице сообщается и о рождении двух мальчиков и рассказывается об их детстве), но затем автор переходит к первому лицу, на чем акцентируется внимание читателя: «Теперь буду говорить от своего лица» [Громов, 1879, с. 7]. Этот переход сигнализирует о нарастании в тексте автобиографического начала. Соединение повествования от разных лиц отражает смену различных ипостасей авторского «Я», изменения его позиции по отношению к герою.

Многоплановость повествования сочетается с его подчеркнутой субъективностью: фактически все события и предметы даются сквозь призму авторского сознания. Например, все описания, которыми богато повествование, вводятся как воспоминания повествователя, зрительные образы, всплывающие в его воображении: «В этом одном из глубочайших ущелий Камчатки как сейчас вижу епископа, в темную зимнюю ночь, сидящего в одеянии из оленьих кож на камне, освещаемого заревом, отражающимся на вершинах гор, окружающих пропасть, среди добродушных детей природы – камчадалов и между не одною сотнею маленьких ездовых животных, свернувшихся в клубки и крепко заснувших от утомления. Ни одному из русских иерархов не доводилось еще нести благословение в подобные юдоли» [Громов, 1879, с. 58].

Важно, что усложнение повествования – это не «случайность», а сознательный авторский эксперимент. Косвенным подтверждением тому служит один из эпизодов книги, обнажающий принципы авторской работы Громова над текстом. Громов пишет, как по поручению Иннокентия он занялся описанием всех камчатских церквей и «замечательных событий», но рукопись не была пропущена цензором. И вот по каким причинам: «Например, – пишет Громов, – если я сказал о смерти какого-либо лица и в дальнейшем ходе событий должен был упомянуть о том же лице, то цензор возражал: да ведь он же уже умер? ... Где я выставлял себя самовидцем или деятелем, – цензор спрашивал: из каких это заимствовано источников? Горе взяло меня, и я отозвался преосвященному, что, как исправлять нечего, то я готов изорвать рукопись и бросить в печь. “Угомони свое я, отвечал мне преосвященный, и доверши полезное дело”. Я повиновался, и, сняв с моей жертвы тук и плоть, оставил одни кости. Высушенный донельзя остов моего писания, к удивлению моему, понравился, и оно было напечатано в Трудах Киевской д. Академии...» [Громов, 1879, с. 67].

Подобная усложненная структура повествования, его субъективность, погруженность в авторское сознание характерна для литературных произведений, причем достаточно позднего времени. Само соединение автобиографии и воспоминаний, по мнению А. Николиной, становится достаточно распространенным только в литературе XX века [Николина, 2003, с. 36]. Таким образом, Громов не просто идет вслед за литературной традицией, но в какой-то мере опережает ее. «Припоминания» – текст очень «современный», прежде всего в отношении художественных особенностей и языка, а также роли в нем субъективного, личностного начала.

Однако нельзя не учитывать, что автобиографические и мемуарные компоненты допускала и средневековая агиография, предполагавшая наличие свидетеля (Например, в «Житии Александра Невского»: «быхъ самовидцем возраста его»). Кроме того, агиографии часто формировались на основе так называемых «записок-воспоминаний о почитаемых наставниках», повествователь в этом жанре брал на себя роль свидетеля, соучастника событий. Возможно, что при написании сво-

ей книги Громов опирается именно на этот жанр и наследует традиции церковной литературы.

Но если в средневековых текстах автобиографическое начало выполняло служебную роль и можно было говорить только об элементах автобиографизма, у Громова оно, как мы видели, разрастается до самостоятельного сюжетного повествования, протекающего параллельно повествованию о герое, точнее, вбирающего его в себя. Происходит не просто расширение автобиографизма в рамках традиции, изменяется его качество. Проникающее в текст личностное начало перестает быть факультативным, оно становится источником художественного обобщения и основой целостности произведения.

Подобное усложнение художественной структуры текста – следствие изменений авторской позиции. Находясь в рамках конфессиональной культуры, Громов мог писать о себе только из необходимости свидетельствовать. Но пассивная позиция практически безличного повествователя-свидетеля средневековых текстов заменяется у Громова активной позицией повествователя-героя и повествователя-автора, который не только описывает биографию другого лица, но и сам активно претендует на биографию. Подобную «претензию» можно считать признаком развития личностного и авторского самосознания, что является непременным условием формирования литературы нового времени.

Необходимость свидетельствовать осложняется в громовском сочинении другой необходимостью – оправдания, оправдания себя самого, своей судьбы, что становится предпосылкой появления исповедальных мотивов. Подвиг преосвященного велик и очевиден, но Громов – его соратник, и потому своим делам он ищет оправдания в деяниях Иннокентия. Так, упоминается письмо, в котором «владыка прославляет милость Божию, подавшую ему и мне силу и крепость полвека послужить церкви Божией и даровавшему нам власть низводить на других небесное благословение... и хотя мои труды в сравнении с подвигами почившего были ничтожество, но ценились намерения» [Громов, 1879, с. 77].

Тема сходства становится одной из центральных в повествовании. Однако это сходство только желаемое. Если жизнь Иннокентия соответствует некоей идеальной схеме, то жизнь самого Громова – отступление от нее. Для него характерно осознание своего внутреннего несовершенства, перед ним остро стоит проблема самоопределения. «Одна только замечательная между нами разница: высокопреосвященный Иннокентий, от начала и до конца своего служения, восходил от славы в славу... Со мною же, напротив, бывали такие толчки, которые выдвигали из меня сколоченную посуду, каковая, по пословице, два века живет. Сострадание обо мне вносило в наш союз долю с его стороны участия, а с моей – сердечно-го благодарения» [Громов, 1879, с. 77], – читаем мы в финале книги.

И если «гадания о загробной жизни», которые тревожили обоих друзей, для преосвященного «разрешились видением» и для него «открыт уже свободный вход в вечное царство», то автор еще томим неведением и ожиданием, и единственное, что остается ему, – это упование на скорую встречу.

Образ повествователя приобретает определенный драматизм, выводящий его на уровень самостоятельного романного героя. В целом книга Громова содержит возможность романного прочтения и обобщения. Одна из задач романа – показать скрытую всеобщность жизни, что и осуществляет Громов на примере соотносительности своей судьбы с судьбой преосвященного. Символом этой всеобщности становится уже упоминавшийся нами образ нити, связующий две судьбы. Этот образ открывает и замыкает повествование: «Промысел Божий как бы проводит иногда незримую нить от колыбели одного младенца к колыбели другого. Колыбели зыблются на дальнем одна от другой расстоянии, но зыблемым в них предназначено повстречаться на пути жизни, и идти рука об руку через всю жизненную стезю» [Громов, 1879, с. 3], – так начинается книга. В финале ее читаем: «Нить, связую-

щая нас в течение полувека, прервалась, хотя, на самом деле она приняла только иной вид протяжения от времени к вечности» [Громов, 1879, с. 77]. В финале книги соединяются черты проповеди (о подвижнической и полной высокого смысла жизни о. Иоанна), исповеди (сожаление о собственной, не столь блестящей и полезной, хотя и многотрудной жизни) и лирического размышления (о судьбе человеческой).

Громов сохраняет складывавшуюся веками духовную традицию агиографии, однако преломляет ее в сугубо личностном сознании современного человека. Присутствие активного авторского начала, выраженного в определенной концепции судьбы, наряду с развитой системой поэтических средств, позволяет говорить о «Припоминаниях» как, возможно, об одном из первых сибирских автобиографических романов.

Книга Громова далеко не единственное произведение иркутской, и шире сибирской духовной мемуаристики XIX века. В этом ряду можно назвать сочинения таких талантливых авторов, как А.И. Сулоцкий, еп. Никодим (Н.И. Казанцев), еп. Нил, еп. Дионисий, архим. Макарий (М.Я. Глухарев), прот. М. Путинцев, Д. Хрусталеv, и др. Но необходимо заметить, что вопрос об особенностях поэтики этих сочинений и их роли в формировании местной литературной традиции на сегодняшний момент остается практически неосвещенным.

Литература

Апостол Аляски. Материалы научной конференции, посвященной 200-летию Иннокентия Вениаминова и 170-летию Иркутской епархии. Иркутск, 1998.

Громов Прокопий. Припоминания современника о высокопреосвященном Иннокентии, Митрополите Московском. Иркутск, 1879 (Оттиск из «Иркутских епархиальных ведомостей»).

Матханова Н.П. К вопросу о сибирской мемуаристике первой половины XIX века // Шестые Макушинские чтения: Тезисы докладов научной конференции. Новосибирск, 2003.

Матханова Н.П. Мемуары сибирского духовенства XIX века // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XIX века: развитие и взаимодействие. Иркутск, 2005.

Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика первой половины XIX века как социокультурный феномен // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 3.

Николина Н.А. Филологический анализ текста. М., 2003.

Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX века: От рукописи к книге. М., 1991.

Федотов Г. Святые Древней Руси. М., 1991.

Чернышева Н.К. Ранние жития святителя Иннокентия Иркутского: история создания и распространения // Православие и русская народная культура. М., 1996. Кн. 6.